

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1644

Д. Г. Подвойский

ЛАБИРИНТАМИ МАТРИЦЫ: ОСВАИВАЯ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г. Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 60—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1644>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2020) In the Labyrinth of the Matrix: Learning Social Constructionism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 60—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1644>. (In Russ.)

ЛАБИРИНТАМИ МАТРИЦЫ: ОСВАИВАЯ
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Аннотация. В настоящее время Департамент издательских программ ВЦИОМ завершает подготовку к публикации перевода книги социальных психологов Э. Лока и Т. Стронга «Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice». На русский язык книга выйдет под заголовком «Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика». Журнал «Мониторинг общественного мнения» публикует вступительную статью к этому переводу, написанную специально для русскоязычного читателя. В представленном тексте содержится не только вводный комментарий к указанной книге, но и развернутый анализ комплекса «конструкционистских» и «конструктивистских» идей, оказывавших и продолжающих оказывать значительное влияние на развитие социальных и гуманитарных наук во всем мире.

Ключевые слова: социальный конструкционизм, социальный конструктивизм, социальное конструирование реальности, Матрица, субъект, сознание, социальные институты, социальная теория, интерпретативная методология, история социально-гуманитарных наук

IN THE LABYRINTH OF THE MATRIX:
LEARNING SOCIAL CONSTRUCTIONISM

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; Leading Researcher
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

² Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The Publishing Department of WCIOM is currently finalizing the translation of the book *Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice* by social psychologists Andy Lock and Tom Strong. In Russian, the book will be published under the title “How Does the Matrix Work? Social Construction of Reality: Theory and Practice”. The Public Opinion Monitoring Journal releases an introductory article written exclusively for The Russian-speaking readers. This piece not only contains an introductory commentary on the book, but also presents a detailed analysis of the complex of constructionist and constructivist ideas that have been having a significant impact on the development of social sciences and humanities throughout the world.

Keywords: social constructionism, social constructivism, social construction of reality, the Matrix, agency, consciousness, social institutions, social theory, interpretive methodology, history of the social sciences and humanities

И опять эта вездесущая Матрица! Или... в преддверии четвертой серии

Первым делом рискнем ослабить интригу, вмонтированную в название русскоязычного перевода данной книги. В оригинале ее названия слово *матрица* отсутствует. Совместная работа Э. Лока и Т. Стронга (в некотором роде учебное пособие, хотя судить о ее пригодности в этом качестве можно по-разному) вышла в свет в 2010 г. в издательстве Кембриджского университета под заголовком «Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice».

Причем тут, спрашивается, матрица? Чем объясняется избыточная вольность перевода? Стремлением российского издателя через смысловую отсылку к масс-культурному и массмедийному образу Матрицы, сформировавшемуся благодаря культовой кинотрилогии¹, привлечь внимание более широкой читательской аудитории (чем та, на которую могла бы рассчитывать книга с более нейтральным и чисто научнообразным названием)? Что это — маркетинговый ход? Отчасти да, но не только! У книги есть содержательные основания быть названной подобным образом. Так что читатель, подкупившийся ее названием, скорее всего, не будет обманут в своих ожиданиях. Почему? Давайте разбираться...

Слову матрица повезло и не повезло одновременно: лишь последние двадцать лет оно вышло в тираж, прорвалось в зону публичного дискурса благодаря популярности одноименного фильма. В биографии слова произошел более или менее случайный семантический зигзаг: из специального термина точных наук и инженерного дела оно превратилось в сильную, хотя и довольно обтекаемую метафору/аллегория невидимой, таинственной Власти-Контроля, осуществляемой над населением планеты средствами виртуозной, но при этом отнюдь не безобидной физической, психологической и социальной инженерии.

Не то чтобы об этих сюжетах не думали раньше. Нет, думали, и много, и не только писатели-фантасты, но и просто писатели, а также публицисты, интеллектуалы разных мастей, философы и социологи. Просто слово пришлось кстати: произошел смысловой перенос, и Матрица стала для миллионов наших современников своего рода символом, нагруженным множественными культурными коннотациями, а не просто техническим или математическим понятием.

Быть вписанным в Матрицу — значит быть пешкой в чужой игре, быть управляемым, причем, как сейчас сказали бы, управляемым эффективно, то есть жить в мире иллюзий, получая свою долю «суррогата счастья». Матрица — не просто темница, где все томятся и страдают, среда обитания, где «жить по-человечески» мешают железные решетки и злые надсмотрщики. Матрица приручила человека, одомашнила его, стены тюремных камер поклеены обоями, в них тепло и комфортно, влечения, желания и потребности колонизированы. В итоге пленник утрачивает побуждение к бегству, он отказывается признавать, что его дом — тюрьма.

Все это, конечно, тоже не ново. История мысли XX века неоднократно диагностировала подобные тенденции. Всевозможные антиутопии в стиле «Дивного нового мира», концепция гегемонии А. Грамши, хайдеггеровское *map*, «Одномерный человек» Г. Маркузе, предостережения философов и социологов техники, западный неомарксизм и постмарксизм разных сортов, экзистенциализм, гума-

¹ В 2019 г. создатели трилогии анонсировали выход четвертой серии фильма, запланированный на 2021 г.

нистическая критика менеджеризма и технократизма, Л. Мэмфорд, Ж. Эллюль, общество спектакля Ги Дебора, общество потребления, симуляции и симулякры Ж. Бодрийяра, макдональдизация Дж. Ритцера, бесчисленные разговоры о роли культуриндустрии, СМИ, и о том, что «пипл хавает» — лишь конкретные примеры рефлексии о «мягком и пушистом» деспотизме Матрицы как знамении времени эпохи высокого модерна.

Чтобы познакомиться с Матрицей, все эти книжки, порой весьма заумные, можно, конечно, не читать. Можно вполне ограничиться продуктами «фальшивого (или искреннего?) самобичевания» современной аудиовизуальной культуры, несущей в массы философию в стиле поп. С другой стороны, неудивительно, что в кадр фильма братьев (ныне сестер) Вачовски попадает стилизованная под Библию обложка бодрийяровских «Симулякров и симуляции».

Не претендуя на ортодоксальность толкования «подлинной», «глубинной» (если таковая имеется) нагрузки понятия матрица в его бытовании в разговорных практиках людей первых десятилетий XXI века, позволим себе указать лишь на некоторые улавливаемые смысловые фрагменты, так сказать, лежащие на поверхности. Очевидно, во всяком случае, что слово это именно в его вольно-переносном значении стало ходовым, и циркулирует оно отнюдь не только в среде знатоков и поклонников трилогии Вачовски. Многие смотрели фильм невнимательно, но словом, ставшим популярным благодаря популярности фильма, пользуются, доверяясь собственной языковой интуиции.

В образе Матрицы сходятся многие социально типические и вместе с тем остро психологически переживаемые тревоги и опасения человека наступающей цифровой эпохи.

Само это слово как бы «пахнет» математикой и информатикой, в том числе, или даже прежде всего — для тех рядовых потребителей благ диджитал-цивилизации, которые мало что смыслят в указанных областях, но готовы перед ними преклоняться как перед чудо-знанием, повсеместно изменяющим мир (в связи с этим вспоминается раннемодерновое кантовское «в каждой науке столько науки, сколько в ней математики»).

В отличие от цифрового профана, компьютерщик, IT-специалист выступает как носитель сакрального знания, жрец новейшей фазы технотронного века, рыцарь, на острие электронного меча которого балансирует судьба человечества. Теперь уже не ученый-экспериментатор в лаборатории и не инженер на производстве (герои недавнего прошлого), а именно парень с бегающими туда-сюда программными кодами в голове, способный одним нажатием кнопки — не выходя на улицу для сражения с драконами или ангелами небесными — спасти или погубить вселенную. Вмешательству его (компьютерного) гения хотя бы отчасти подвластна та странная стихия, которая стандартно визуализируется множеством значков, роящихся на компьютерном экране. Именно так, собственно, и выглядит Матрица, вернее — ее видимое, феноменальное измерение.

И есть ли там вообще что-то внутри, за этими мерцающими значками — не понятно, как и не понятно, есть ли вообще что-то *на самом деле*. Иначе говоря, современного человека не покидает мысль, что воспринимаемый мир, возможно, есть не более чем одна большая фантазмагория, масштабный продукт компью-

терного моделирования, великая химера, иллюзия, которые могут мгновенно исчезнуть, когда чья-то рука (Бога, дьявола или чья-то еще, опять же — не понятно, где пребывающая) просто выдернет шнур из розетки.

Разумеется, всевозможными «иллюзионизмами» знакомого с историей мировой философии читателя удивить и испугать нельзя. Однако в данном случае мы имеем дело с особым рода иллюзионизмом, смешанным с постулированием всеобъемлющей власти электронно-компьютерно-информационно-технологических систем (и здесь хочется попутно спросить: а они, интересно, в каком мире находятся — в «иллюзорном» или «действительном»?).

По мере того как некоторые из самых смелых предположений фантастов входят в нашу жизнь и меняют ее, с новой остротой встают вечные проблемы, прежде всего проблемы онтологические. Что считать истинной реальностью, если везде и всюду мерещится зловещая Матрица? Но ее [Матрицы] онтологический статус также остается под вопросом. Поэтому в тысячный раз приходится спрашивать: подлинная реальность — где она и какая? Материальная, духовная, гибридная? Или их много, или все они неподлинные? Какова здесь роль человеческого(их) сознания(ий), деятельности, отношений между людьми, и т. д.? Понятно, что на единственный вразумительный (тем более «объективно истинный») ответ рассчитывать не приходится.

Параллельно с этим мы становимся свидетелями размывания границ привычных областей опыта: реального и воображаемого, объективного и субъективного, искусственного и естественного, физического и психического, живого и неживого. Кибернетический разум, искусственный интеллект, умный дом, робокопы, терминаторы, разговоры, консультации и переписка с ботами, «киборги запленили всю планету» — мир людей и мир вещей не просто взаимодействуют, они перепутаны, и образуют порой гремучие смеси.

Говоря на жаргоне Б. Латура, «актанты» превращаются в «актеров», и наоборот. «Нелюди», то есть нечеловеки в обличье милых девушек и компетентных экспертов из разных отраслей с белоснежными улыбками смотрят на вас с экрана и «с удовольствием» отвечают на возникающие вопросы. Не надо ничего печатать, Алиса распознаёт устную речь. Голосовой помощник становится незаменимым партнером и советчиком. Он вас не понимает? Выражайтесь яснее, мыслите и говорите проще, стереотипнее, по шаблону. Хотя его «эмпатические» качества совершенствуются прямо на глазах, он не только осваивает все более прихотливые коммуникационные запросы, но скоро научится сочувствовать и сопереживать, проливать искусственную слезу там, где надо. В общем, Окей, гугл... будем дружить! Что само собой не отменяет законности вопроса: можно ли дружить с роботом, даже очень продвинутым и «эмпатичным»?..

Если Матрица представляется как некая демоническая кибер- или гиперреальность, продуцирующая разные формы «неподлинного бытия», симулякров и симуляций, нечто искусственное, сотворенное, то возникает вопрос о ее генезисе и месте дислокации. Самым наивным ответом может стать интерпретация Матрицы как продукта чьей-то злонамеренной воли, индивидуальной или коллективной, и это прямая дорога к объяснениям в духе теорий заговора (миром посредством Матрицы правят кукловоды, влиятельная закулиса, те или иные элитные группы).

Этот ответ не только наивен, но и условно оптимистичен, поскольку предполагает возможность победы над «злыми» силами через их устранение силами «добра» (типичный сюжет для фантастических фильмов с хэппи-эндом).

Сложнее обстоит дело, если предположить деперсонифицированный характер Матрицы, анонимность ее власти: она везде и нигде конкретно. Даже если она и создана кем-то и когда-то, она работает в машинной логике, в соответствии с принципами абстрактной, инструментальной рациональности.

Понятно, что все эти ужастики, состоящие из полуреалистических-полусказочных нарративов, кажутся людям увлекательными, вызывают у них интерес. Поэтому, собственно, слово матрица пока что не выходит из арсенала узнаваемых и востребованных повседневных метафор начала XXI века.

Некинематографические ассоциации, порождаемые употреблением слова матрица в вольном метафорическом контексте для обозначения особых качеств социальных отношений, также способны скорее расстроить, чем воодушевить искателя «жалких остатков» свободы в технотронном мире. Сравнение с типографской матрицей не вдохновляет: штамповка, тиражирование, стандартизация, конвейер, прессовка... И объектами этих процессов, «продуктом на выходе», становятся не только материальные предметы, товары, но и информация, а также человеческие существа. При таком взгляде общество предстает как гигантский формовочный цех по поточному производству людей, отливке психосоциальных единиц с заданными качествами. Жутковатая картина, не правда ли?

В ту же степь уводят нас и семантические отсылки к образу матрицы в математике: если матрица есть организованный определенным образом массив цифровых данных, с которыми можно совершать некие допустимые операции-преобразования, и мы находимся, вернее, принудительно загнаны в матричные ячейки, тогда мы суть не более чем какие-то числовые значения в столбцах и строках, нас можно умножать, складывать, делить, вычитать, возводить в степень, извлекать из нас корень, менять местами, удалять, заменять... О ужас, но мы же люди! Но матрицеобразное общество подобные возгласы, кажется, особо не беспокоят: люди, их чувства и эмоции, отношения и интеракции — все это подлечит математической алгоритмизации, моделированию и программированию в технологическом формате, уподобляющим человека вещи.

В итоге метафорика Матрицы в очередной раз, на новом витке, адресует нас к классической для всей современной цивилизации теме: Человек эпохи модерна как хитроумный покоритель Природы и счастливый обладатель инструментального Разума оказывается заложником собственного модуса миропонимания и миродействования. Взбесившаяся технократическая рациональность оборачивается против своего создателя, он ей больше не хозяин. Творение господствует над творцом, низводя творца до уровня всего лишь *средства*.

Для абстрактной, деиндивидуализирующей, «машинной» логики функционирования Матрицы есть лишь материал, который может и/или должен быть обработан, и энергия, необходимая для такой обработки. Человек в этой модели мироустройства не является исключением: он подходит и для того, и для другого — чтобы становиться материалом, сырьем, ресурсом, объектом, пригодным для манипулирования, и чтобы давать энергию (достаточно вспомнить всем известные

выражения: человеческий материал или капитал, человеческие или трудовые ресурсы, кадровый состав, а также «потогонная система», «выжимание соков» и т. п.).

Именно этот процесс описывал на своем непереводаемом языке Мартин Хайдеггер, говоря, что *Gestell* как особая установка сознания превращает весь мир, включая и человека, в *Bestand*. И именно в этом процессе обнаруживается пресловутая (полная социально-исторического трагизма) «диалектика Просвещения», изломанный вектор которой был зафиксирован и концептуально расшифрован Максом Хоркхаймером и Теодором Адорно еще в середине минувшего века.

Вы собираете, вас собирают...

Как это часто вам досаждают?

Весьма примечательны некоторые контексты употребления слова матрица в повседневной речи ровесников тысячелетия — поколения тех, для кого, по их же собственным словам, фантастическая эпопея Вачовски стала уже чистой воды классикой. В аудиторию входят две студентки-подружки, на фоне всеобщего разнобразия одетые в одинаковые свитера. Попытка выделиться в пестрой толпе сходством, когда различия парадоксальным образом уже не выделяют, оказывается удачной. Ироничная реакция однокурсников, почти на автомате, выражается в обороте, претендующем на статус фразеологизма: «Матрица дала сбой!»

Я интересуюсь: как надо понимать эту шутку? Выясняется приблизительно следующее: коварно-виртуозная Матрица в норме производит людей с визуально/иллюзорно разными параметрами, но порой что-то ломается, и одинаковость становится явной, выходит наружу, обнажая признаки процесса штамповки, стандартизации человеческого материала.

Такую подготовленную публику конструктивистскими и/или конструкционистскими метафорами, видимо, уже не удивишь. И тем не менее...

Теперь требуется сделать шаг от отправного для нас и во многом условного понятия Матрицы к социальному конструированию реальности как фундаментальному процессу, описываемому с разных сторон множеством теорий. Связь между этими двумя семантическими фрагментами названия представляемой книги, скорее всего, интуитивно ощущается читателем.

Если устранить налет фантастичности и фантазийности, сопровождающий разговоры о Матрице, и попытаться одновременно перейти на более терминологизированный язык социальных наук, то можно сказать просто: матрица — это своего рода вольный заменитель слова *структура*. Вернее, следовало бы говорить даже не о структуре (в единственном числе), а именно о структурах: их много, и они разные.

Структуры чего и где они находятся? Везде: в обществе, в мышлении, психике, субъективном восприятии окружающего мира, в языке, в организме. Все эти пласты структур каким-то причудливым образом связаны между собой, но отнюдь не тождественны; между ними есть какая-то доля изоморфизма, согласованности, взаимной детерминированности, но также и значительная доля автономии и отчасти даже рассогласованности. Они работают как бы вместе и как бы порознь, отчасти слаженно, но лишь до известной степени.

Структура, форма, паттерн, правило, норма, габитус, фрейм — существует много общих и специальных терминов, используемых для констатации и объяснения

того факта, что человеческий опыт — поведенческий, интерактивный, языковой, коммуникативный, когнитивный (будь то в сфере теоретического/научного мышления или повседневного) — как-то организован, структурирован (как извне, так и изнутри), нормирован, регламентирован, правилосообразен, паттернирован, фреймирован, упорядочен (хотя и не идеально), нехаотичен (хотя и допускает порой значительный диапазон индивидуальных вариаций), более или менее рутинизирован, опривычен, габитуализирован, институционализирован...

И это значит, с одной стороны, что человек является продуктом всех этих объективных и субъективных структур, но с другой, сам их создает (морфогенез) и воспроизводит (морфостазис), поддерживает или видоизменяет в своей деятельности. Хотя делает он это не поодиночке и не с нуля, но всегда сообща, то есть вместе с другими, кооперируясь и конфликтуя с ними, опираясь на результаты действий предыдущих поколений или модифицируя их; результаты, с которыми он сталкивается как с наличной данностью в рабочей обстановке «общественной строительной площадки», где проходит вся его жизнь, от рассвета до заката, включая даже сон.

Это перманентное строительство, совершаемое частично по плану, частично без него, и всегда лишь отчасти предсказуемое (непредвиденные последствия; «хотели как лучше, а получилось...»), собственно, и именуется социальным конструированием реальности.

Откуда берутся структуры? Они не существуют без людей и оказываются результатом их поведенческой, деятельностной и когнитивной активности. В то же время они являются рамкой, условием и предпосылкой для этой самой активности, в значительной мере определяя ее направленность, характер и содержание. Они суть и *natura naturans* — творящая, и *natura naturata* — сотворенная.

Структуры продуцируются индивидами и продуцируют индивидов. Указанное свойство Э. Гидденс именует «дуальностью структуры» и описывает смежным термином «структурация»: социальное конструирование реальности — это бесконечный диалектический процесс генерирования устойчивых форм общественных отношений в ситуациях неисчислимо множественных интеракций между людьми. Люди и структуры порождают друг друга в неразрывной цепочке взаимной детерминации, звенья которой могут быть выделены лишь аналитически.

Индивиды ежедневно и ежечасно экстернализуют структуры в своей деятельности, например, продолжают платить налоги, сервировать стол определенным образом или использовать в общении грамматические формы родного языка. В то же время структуры интернализуются в сознании индивидов, порождая типические способы реагирования на ситуацию как результат социального научения, усвоения культуры и образцов поведения.

В случаях видоизменения структур общая логика процесса сохраняется: люди могут умышленно или ненамеренно модифицировать или даже ломать те или иные структуры (разрешать однополые браки, отменять расовую дискриминацию, обогащать речь неологизмами), но параллельно с этим будет происходить переписывание их коллективных представлений, постепенно оформляющихся в новые структурно организованные комплексы.

Подобные рассуждения — своего рода классика жанра, «старая песня о главном» для социальной теории. По крайней мере, так они могут восприниматься

последние пятьдесят с лишним лет, с момента выхода и освоения научным сообществом книги П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Позднее попытки бросить панорамный теоретически фундированный взгляд на процесс коллективного «со-творения» социального (и не только) мира акторами, наделенными индивидуальным сознанием и волей, не прекращались. Концепции П. Бурдьё и Э. Гидденса — лишь два наиболее известных примера, относящихся к последней трети минувшего столетия и заслуживающих внимания.

Однако сама риторика разговоров о социальном конструировании действительности приобрела особую инерцию, произведя на свет всевозможные конструктивистские, конструкционистские или критически деконструкционистские подходы, что сопровождалось также известной вульгаризацией, искажением и даже дискредитацией ряда продуктивных идей, положенных в основание упомянутых подходов. Поэтому «патриархам» приходилось отречься от своего «детища»: так, скажем, Лукман открыто именовал конструктивистов дураками [Лукман, 2002].

Дело здесь опять же во многом в силе слов и их смысловых коннотаций. Говоря о конструировании, конструкции, реконструкции, деконструкции чего-то, рассуждая о чем-то как о конструкте, мы так или иначе адресуем себя и других к строительно-архитектурной лексике, используем слова сборка, разборка, пересборка. Архитекторы, проектировщики, инженеры, прорабы, мастера и рабочие, участвующие в строительстве дома, возводят постройку, строение, конструируют сооружение как нечто искусственное, обычно по определенному плану, хотя планы в процессе строительства могут меняться, а процесс растягиваться на сотни лет (как это было со средневековыми соборами). Но так ли люди строят общий для них мир?

Можно сказать: мы собираем этот мир по частям, и нас собирают из кусков этого собранного нами же мира (культура и общество, агенты социализации и институты, большая и малая социальная среда, политики, СМИ, реклама, вкусы эпохи, семья, школа...)! В понимании современного человека, дорожащего своей «свободой», первое (активно собирать мир) как бы хорошо, второе (быть собираемым им) — скорее плохо. И если мы хотим по возможности минимизировать негативное влияние второго, мы должны заниматься деконструкцией² — осуществлять процедуру разборки актуально и потенциально опасных сооружений, которые могут посягать на наше «истинное» (?) Я, самость, интересы, влечения, чувства, права, автономию (хотя все это, в сущности, тоже является продуктом конструирования и принадлежит в строгом смысле не нам, то есть при последовательной, доведенной до логического конца деконструкции от человека ничего или почти ничего не остается, за исключением, возможно, биологического организма, лишённого какой бы то ни было социально и культурно определенной индивидуальности и своеобразия).

² Правда, мыслительная деконструкция исторически конкретных систем социального мироздания, реализуемая при помощи аналитического арсенала науки, может быть полезна хотя бы в том отношении, что она эксплицирует власть структур, особенно скрытых от глаза, делает ее видимой, показывает, как эти структуры работают и какие функции выполняют, оценивает степень их инвариантности и стабильности, с одной стороны, и гибкости и подвижности, с другой (различая несущие стены здания и те его части, которые можно сносить и перестраивать без риска превратить постройку в руины). Вместе с тем наука, признающая относительную изменчивость структур, организующих опыт жизни в человеческих коллективах, обычно признает, что без подобных структур существование людей в обществе себе подобных было бы затруднительным (если не непредставимым), а игру по правилам рассматривает как своего рода спасительное средство от хаоса.

И когда про что-то говорится «это всего-навсего конструкт», имеется в виду, что если что-то сконструировано, то значит, оно также может быть демонтировано или перестроено, то есть может быть другим, по крайней мере в принципе. На этом пути одной из возможных позиций становится отрицание ценности всех и всяческих конструкций (институтов, традиций, практик), или же, как вариант, их предельная плюрализация и ценностное уравнивание. Двигаясь в указанном мыслительном фарватере, можно прийти к выводу: мы можем, если только захотим, критически взирая на объекты социокультурного мира, сконструировать, реконструировать и деконструировать все что угодно.

Такой взгляд, однако, выглядит слишком радикальным. Хотя бы потому, что социальное конструирование реальности³ нельзя в буквальном смысле уподобить строительству здания. Можно сказать, конечно, что общество — структура рукотворная. Но слишком много рук (и голов) участвует в строительстве, а генерального архитектора, на которого можно было бы все свалить, нет. Возведение самого здания растягивается на века и тысячелетия, представляя собой настоящий вселенский долгострой: иных уж нет, а те далече. Наконец, строительство общества не является полностью преднамеренным процессом. Стопроцентный контроль за происходящим на стройплощадке отсутствует, а фактические результаты работ по созданию общего мира обычно отличаются от ожиданий и планов проектировщиков.

Структуры социальных групп возникают не как [вернее, не только как — Д.П.] результат планирования, а как следствие «незапланированных» действий индивидов, создающих институты. Институты предъявляют требования к людям, определяют их позицию и устанавливают нормы, которым они должны следовать. Это происходит не благодаря какой-то внешней, сверхъестественной силе, а является результатом развития социальных отношений между людьми: институты, естественно, накладывают на индивидов ограничения, и являются при этом «непреднамеренно» конструируемыми. <...> Результаты человеческого взаимодействия и, следовательно, движущие силы развития, выстраивающие рациональность, очень часто отличаются от того, на что были направлены намерения участников этого взаимодействия. Человеческая история породила институты, «превосходящие то, к чему устремлялись сами люди». [Lock, Strong, 2010: 22, 27]⁴

И еще один важный момент: людям как практическим конструкторам социальной реальности приходится иметь дело с раствором, который очень быстро застывает: возникающие, распространяющиеся, укореняющиеся формы отношений кристаллизуются, строительные леса срastaются с самим зданием и диктуют

³ Разумеется, термины «социальное конструирование реальности» и «конструирование социальной реальности» не являются взаимозаменяемыми во всех возможных смысловых контекстах; они маркируют пересекающиеся, но не тождественные процессы. Первый концепт явно указывает на то, что социально конструируется не только социальная реальность.

⁴ Как верно подмечают Лок и Стронг, никто конкретно не планировал капитализм [Lock, Strong, 2010: 22]. И правда, кто? Ни Лютер, ни Кальвин, ни Леон Баттиста Альберти, ни Фуггеры, ни Медичи, ни даже Бенджамин Франклин... Он как-то сам собой получился. (Имеется в виду полустихийный характер складывания нового типа социально-экономических отношений на Западе на рубеже Ренессанса и Нового времени).

манеру и стиль работы с материалом кладки стен и перекрытий. Опривыченные и рутинизированные практики институционализируются и реифицируются, причем новые рутины и привычки почти никогда не рождаются из ничего, но вписываются в уже существующие институциональные и культурные традиции — точнее, наслаиваются на них. Иначе говоря, люди занимаются конструированием общего для них мира и одновременно живут собственными конструкциями, относясь к ним по большей части так, как будто это и не конструкции вовсе.

Сегодня слово «конструкт» в известных кругах является модным. В России конструктивистскую терминологию распробовали позже и сейчас активно на-верстывают отставание (хотя все же Запад по этой части пока явно лидирует). Конструктами объявляется многое: формы рациональности, этикет и манеры, гендер, этнос, телесность, историческая память... В феминистском дискурсе, развивающем с разных сторон принцип Симоны де Бовуар «женщиной не рождаются, женщиной становятся», конструктивистская оптика оказывается исключительно востребованной (так, в 1980—1990-е годы в серии «Исследований по социальной конструкции» издательства Sage выходят среди прочего работы «Социальная конструкция нервной анорексии» Дж. Хепворт, «Социальная конструкция лесбийской любви» С. Китцингер). Социальный конструктивизм в своих шокирующих изысканиях добрался до научного познания, в том числе естественнонаучного, и стучится в двери философии; он добрался до тела, вторгаясь в области биологии и медицины. Чем чреват такой экспансионизм?

Но, кажется, все не так уж страшно. Просто вольность обыденного словоупотребления дает о себе знать, сближая поля смыслов, исходящих от слов матрица и конструкт, конструирование, конструктивизм, конструкционизм. Если все (или почти все) есть конструкт, а конструкт ассоциируется с чем-то искусственным, сотворенным, поддельным, ненастоящим, химерическим, надуманным, существующим только в наших мыслях, то земля начинает уплывать из-под ног — и не только у обществоведа, если процесс конструирования не ограничивается рамками мира социокультурных явлений.

Конструкту обычно приписывается специфически дискурсивная природа, то есть он рассматривается как ментальный и/или языковой феномен *par excellence*. Это значит, что конструкт есть в первую очередь то, что мы *думаем* (вместе) и *говорим* о том или ином элементе окружающей нас реальности, «ярлык», словесная маска, надетая на какую-то часть действительности, субъективный образ, миф, стереотип, номинация, фрагмент каталога «подписанных» и «распознанных» объектов, название предмета, а не сам предмет; лингвистически выражаясь, или сигнификат, или знак, но не референт-денотат⁵.

В наших головах живут такие конструкты, и они управляют нашим отношением к вещам и людям: представители «южных» народов, например «кавказцы», импульсивные и вспыльчивые, их мужчины особенно любят блондинок, финны медлительные, флегматичные и дисциплинированные, итальянцы музыкальные,

⁵ Само собой понятно, что ментальный ≠ языковой, а *думать* ≠ *говорить* (называть тем или иным именем). Однако миры мыслей и слов при всей их нетождественности друг другу равно противопоставлены миру вещей как вершины «семиотического треугольника». Если же считать вещный мир безоговорочно базовым, то слова и мысли легко подпадают под (онтологически дискриминирующую их) номинацию *всего лишь* «конструктов».

говорливые, активно жестикулирующие, немцы — трудолюбивые и ответственные индивидуалисты, а китайцы — трудолюбивые коллективисты, русские все поголовно пьют водку, челябинские мужики суровые, французы манерные и эстетствующие, все женщины хотят выйти замуж и родить ребенка... А что если нет?! Вдруг конструкты вводят нас в заблуждение относительно действительных свойств социального и природного миров?

Признание чего-то социальным конструктом само по себе полезно с точки зрения «индивидуальной политики свободы», поскольку оно становится «противоядием» от разного рода заявлений, претендующих на статус аксиом: что, мол, те или иные факты (для кого-то, быть может, весьма неприятные и травмирующие) являются неизбежными, требующими примирения и покорности, вытекающими из самой природы вещей, природы человека, духа народа, особенностей групповой психологии («женщине положено подчиняться», «мужчина — охотник, женщина — хранительница домашнего очага», «воровство у цыган в крови», «есть при помощи вилки и ложки, а не руками — правильно», «гомосексуальные союзы противоестественны», «русские неисправимы, а Россия нереформируема»⁶...).

Сравнительные социологические, этнолого-антропологические и исторические исследования в этом отношении очень вразумляют, поскольку демонстрируют высокий уровень разнообразия и изменчивости в мире общественных установлений и культурных условностей. Вместе с тем, отказ от гипостазирования разного рода ненадежных истин в качестве фундаментальных сущностей не отменяет возможного признания закономерного характера их возникновения и бытования как особого рода социально сконструированных феноменов, подлежащих изучению, и готовности к усмотрению их функциональной роли в поддержании упорядоченности потока социальных интеракций в микро-, мезо- и макромасштабах. То есть условности условностями, но без них жизнь идет наперекосяк.

Однако область действия механизмов социального конструирования реальности не ограничена производством феноменов общественного сознания, многим из которых может быть приписан полуфантомный статус. Социально сформированные субъективные картины мира, наполняемые общественным и культурным содержанием системы категоризации и типологизации явлений накладывают отпечаток на человеческую деятельность. Мы конструируем мир не только через мышление, но и через поведение.

Например, гендерная или этническая идентичность не просто витают в головах, транслируются через частные разговоры, газеты, радио и телевидение, циркулируют в социальных медиа, они объективируются в поступках: в решении выбирать брачного партнера в «своей» или «чужой» этнической группе, заводить большее или меньшее число детей, или не рожать вовсе, собирать приданое или калым, приглашать родственников и друзей на свадьбу, в готовности голосовать за националистические партии и выходить на организуемые ими митинги, вступать в столкновения с иноэтничными элементами, вывешивать флаги из окон по случаю памятных исторических дат, посещать мемориальные места, хранить

⁶ Суждения подобного рода принципиально отличаются от суждений типа: «человек смертен», «мужчина не может рожать детей», «с возрастом у людей с нормальным зрением развивается дальность зрения», «молочные зубы сменяются коренными в таком-то возрасте» и т.д.

реликвии, учить язык предков, отмечать местные праздники, участвовать в феминистском движении (или не делать всего этого), принимать или отвергать условия традиционного для определенного этапа развития общества гендерного контракта, ходить в традиционной народной одежде, и т. д.

Между субъективным и объективным измерениями процессов социального конструирования реальности не существует простой, линейной механики детерминации. Морфология институтов и морфология коллективных представлений не тождественны, но взаимосвязаны. Поэтому общественные институты как исторически сложившиеся устойчивые формы отношений между людьми, состоящие из организованных статусно-ролевых структур, также как и работающие с ними в тандеме системы субъективной ориентации и навигации действия (то, что Бурдьё называл «габитусом»), являются продуктом социального конструирования реальности, то есть по сути долгоиграющими социальными конструктами. Они меняются с течением времени вслед за эмерджентными прорывами в человеческом мышлении и деятельности, но в то же время обладают значительной инерцией, консервативной силой и потенциалом самовоспроизводства (разумеется, не без участия людей). Они объективируются и реифицируются, в результате чего «легкий плащ» нередко превращается в «стальной панцирь» («железную клетку»/«Iron Cage»/«Stahlhartes Gehäuse»)⁷.

При таком взгляде на процесс коллективного сотворения общества рождается обоснованное сомнение: так ли велика пропасть между извечно конфликтующими сторонами спора — конструктивизмом и реализмом, то есть теми, кто говорит, что социальная реальность создается (интерсубъективно), и теми, кто утверждает, что она (объективно) существует как бытие *sui generis*?

Это так (если вам так кажется)

В некотором роде провокативная привлекательность, эстетическая прелесть, если угодно, «шарм» конструктивизма как интеллектуального предприятия заключается в том, что он множит (плюрализует) миры, восстает против наивного реализма, корреспондентских теорий истины, взгляда на познание как отражение свойств «действительного» мира, или, быть может, точнее было бы сказать — дразнит реалистов своими антифундаменталистскими и реляционистскими заявлениями. Между делом он занимается изобретением звезд и созвездий⁸ на небосклоне, шокируя астрономов, или ставит под вопрос объективность врачебных диагнозов (особенно психиатрических, но не только), действуя на нервы медикам.

Какая во всем этом интрига? В мире одинаковом для всех было бы скучно жить. Проекций «обживаемого» нами мира, претендующих на теоретическую, логическую, эмпирическую, прагматически-инструментальную обоснованность, может быть если и не бесконечное количество, то, во всяком случае, много, определенно больше одной. Такая установка на создание миров сближает конструктивизм с искусством и не является простым интеллектуальным хулиганством.

Капризная и своенравная принцесса из «Двенадцати месяцев», бывшая весьма нерадивой ученицей, эпатировала своего седовласого наставника, верившего

⁷ См.: [Вебер, 1990: 206].

⁸ См. по этому поводу статью Н. Гудмена с остроумно-шокирующим (реалистов) названием «О создании звезд».

в незыблемость мироздания и объективный характер естественных ритмов бытия, фразами вроде « $6 \times 6 = 17$ », « $8 \times 8 = 3$ », «я издам новый закон природы (чтобы подснежники цвели в декабре)». Конструктивисты отличаются от этой взбалмошной особы: они лишь настаивают на том, что мир видится разным с разных точек зрения, и данным разнообразием оптик восприятия не следует пренебрегать хотя бы во имя ценности полноты его когнитивного и практического освоения.

Для теории искусства мысль, что между фантазией и реальностью грань условна, отнюдь не является новой. Любому художник, перекинув эффектным движением руки шарф через шею и поправив берет, может сказать: «А я так вижу!» И будет по-своему прав. Но то же, в сущности, касается и «обычных» людей.

Однако это не отменяет необходимости как-то «договариваться» относительно приемлемых и коллективно разделяемых способов интерпретации событий и форм упорядочения опытных данных, ибо в противном случае организованное существование рода человеческого было бы невозможным. Достижение минимально необходимого уровня взаимопонимания между индивидами, воспринимающими мир (отчасти сходно, отчасти по-своему) и находящимися в разных точках социального пространства (но способными меняться перспективами⁹) является, вероятно, одной из базовых предпосылок социальной жизни как таковой. Индивидуальным конструкторам мира приходится находить общий язык и считаться с аналогичными стратегиями других акторов, а также учитывать естественным образом возникающие правила этой совместной работы (ведь конструирование реальности является именно *социальным* по своей сути).

Плюральность альтернативных картин мира, конечно, обескураживает и нередко становится предметом рефлексии не только в философии и гуманитарном знании, но и в литературе, драматургии, живописи, кинематографе. Несколько лет назад в московском театре Et Cetera Адольф Шапиро поставил пьесу Луиджи Пиранделло с манифестационно конструктивистским названием: «Это так (если вам так кажется)». Общая фабула, сюжет и идейный посыл произведения таковы:

В один итальянский город переезжает семья из трех человек: чиновник, переведенный на новое место по службе, его жена, которую никто толком не видел, и теща, поселяющаяся отдельно от супружеской пары. Теща регулярно навещает жену чиновника (свою дочь?), но не поднимается к ней в квартиру, а остается стоять под окном, жена же выходит для общения на балкон. Все это кажется местному обществу очень странным. Теща и зять оглашают заинтересованным жителям города (как бы по секрету) разные версии семейной ситуации и предшествующих событий. У наблюдателей закрадываются подозрения, что каждый что-то скрывает. Но что именно? Более того, объяснения, предлагаемые чиновником и тещей, подталкивают к предположению, что кто-то из них сумасшедший. Но кто же из двух — он или она?

Любопытствующие местные на протяжении всей пьесы хотят докопаться до истины, вывести главных героев на чистую воду, узнать реальные подробности жизни этой загадочной семьи. Но узнать фактическое положение дел оказывается

⁹ Эта (по-видимому, универсальная) способность, конституирующая интерсубъективный человеческий опыт, аналитически описывается в феноменологической социологии при помощи концепта так называемых «идеализаций взаимности перспектив». См., напр., в: [Шюц [Шютц], 2004: 15].

невозможным, остается лишь поверить интерпретации одного из главных участников, поскольку эти интерпретации противоречат друг другу. Провокационно-конструктивистские высказывания «дядюшки» — Ламберто Лаудизи, — озвучивающего мысли драматурга, лишь выводят из себя пытливых наблюдателей, вызывают раздражение: они хотят *знать правду*, а правда все время ускользает. Идея, что события даны только в интерпретации, отвергается, поскольку лишает их твердой почвы под ногами. Вместе с тем не принимается и классическая интеракционистская, социально-драматургическая формула: мы — разные в разных ситуациях и для разных людей (а слаборефлексирующий индивид исходит из допущения, что он всегда один и тот же, всюду тождественный самому себе).

Действительная картина событий не может быть восстановлена, поскольку дана только в интерпретациях участников и наблюдателей. Но признание этого выводит социальную жизнь из равновесия, так как людям нужно понимание, что же, собственно, произошло «на самом деле». А *на самом деле* как бы и не существует вовсе.

Делает ли такая перспектива окружающий нас мир (как природный, так и социальный) совершенно иллюзорным? Скорее всего, нет. Она лишь усложняет видение мира, включая в себя обзор из разных точек, и обнажает «подпорки», на которых держится платформа нашей совместной повседневной жизни (кажущаяся такой твердой и надежной, а по сути столь уязвимая).

Индивидуально и социально воображаемое не просто парит над ускользающей реальностью или маскирует ее, оно входит в нее как активный конституирующий элемент. «Если ситуации определяются людьми как реальные, они становятся реальными по своим последствиям», — гласит истертая социологическая мудрость (разумеется, не в том смысле, что любые человеческие фантазии и иллюзии легко и просто осуществляются, но в том, что они оказывают влияние на реальный ход происходящих событий, меняя не только их образы в головах, но и фактическое положение дел). В обрисованном контексте новый смысл приобретает фраза, слетевшая с уст советского пионера, по совместительству Санчо Панса, — Васи Петрова, — сетующего на неосмотрительность и донкихотство своего друга Пети Васечкина: «Хоть великан *воображаемый*, зато *реальная* беда!» Опасность, исходящая от мельниц, может быть эфемерной и надуманной, но борьба с ними приносит свои фактические плоды, во многом отличающиеся от планов рыцаря печального образа.

Призрак конструктивизма:

«найти и обезвредить» или «казнить (нельзя) помиловать»?

Следующим неизбежным шагом в «болото» понятийной неопределенности оказывается попытка разобраться в значении (в том числе в сходствах и различиях) терминов-номинаций «конструктивизм» и «конструкционизм». Являются ли эти словесные маркеры синонимами, отчасти накладывающимися, пересекающимися понятиями, или принципиально различными? Стоят ли за ними какие-то конкретные исследовательские направления и традиции мысли? По-видимому, предложить полностью удовлетворительный (и удовлетворяющий всех), исчерпывающий ответ не получится. Но можно, тем не менее, указать на некоторые

принципиальные нюансировки, помогающие употреблять указанные термины ответственно и осмысленно.

Во-первых, конструктивизм как архитектурное направление в нашем разговоре можно сразу вынести за скобки — не о нем речь.

Во-вторых, прилагательное «социальный», которое нередко в целях языковой экономии как в устной, так и в письменной речи усекается, является по сути принципиальным: если мы говорим о процессах *социального* конструирования реальности, а также, в более узком смысле, о [социальных] процессах конструирования *социальной* реальности, то на изучение этих сложных процессов претендуют те, кого следовало бы называть именно социальными конструктивистами или конструкционистами (даже если слово «социальный» порой и не произносится).

В сущности, можно говорить о позиции принципиально конструктивистской, где именно социальный характер конструирования реальности не будет выходить на передний план, например, в таких течениях философии или психологии, которые будут анализировать процессы конструирования реальности в индивидуальном сознании (и/или в индивидуальной психике) и индивидуальным сознанием (и/или индивидуальной психикой), как если бы они разворачивались «в вакууме», то есть если мы намеренно в аналитических целях абстрагируемся от социального контекста изучаемых процессов.

К этой же группе позиций (формально) следует отнести и биологические объяснения, акцентирующие внимание на механизмах работы нервной системы и приспособительных стратегиях поведения, обусловленных нейросоматической конституцией самого живого организма и влияющих на то, как этот организм (определенного вида) воспринимает мир вокруг себя и строит отношения с теми или иными (органическими и неорганическими) элементами окружающей его среды. По меткому выражению Якоба фон Икскюля, «каждое животное окружено различными вещами, собаку окружают собачьи вещи, а стрекозу — стрекозиные» [von Uexküll, 2001/1936, цит. по: Lock, Strong, 2010: 136], а среда организма конструируется его сенсорно-перцептивными способностями.

Опять же: как формируются эти способности, механизмы и стратегии — в процессе ли эволюционного развития вида, состоящего из взаимодействующих особей и популяций, всегда существующих в окружении других видов и в особых, и притом изменяющихся средовых условиях, или как-то иначе — отдельный вопрос, заслуживающий специального рассмотрения, неизбежно выводящий организм из аналитически воображаемой ученым когнитивной изоляции. Образ мира онтогенетически конструируется особью, но по правилам, возникшим и закрепившимся в филогенетической истории вида (то есть в некотором роде «социально», а не «индивидуально»).

Если говорить только о второй половине XX века, то конструирование реальности в схожем ключе истолковывается в таком весьма разнородном междисциплинарном течении, как радикальный конструктивизм (Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик и др.)¹⁰, и в частности, в его нейробиологической версии — в тео-

¹⁰ См. программный для этого направления сборник «Изобретенная действительность» [Die erfundene Wirklichkeit, 1998] (под ред. П. Вацлавика), выдержавший множество изданий, а также качественный русскоязычный обзор и хрестоматию одновременно: [Цоколов, 2000].

рии самореферентных аутопойетических систем У. Матураны и Ф. Варелы¹¹. Прилагательное «социальный» к этому наименованию обычно не прибавляют.

В-третьих, можно изучать, описывать, анализировать процессы социального конструирования реальности или конструирования социальной реальности, как и конструирования реальности вообще, но не пользоваться подобными словами и выражениями-маркерами, как и (даже тем более) не причислять себя ни к конструктивистам, ни к конструкционистам. Сами указанные терминологемы в философии и социально-гуманитарном знании получили хождение лишь в последние полвека, хотя история корпуса идей, релевантного новейшей конструктивистской повестке, насчитывает не одно тысячелетие и восходит, как минимум, к софистике Протагора и скептицизму Пиррона и Секста Эмпирика. Про человека как «меру всех вещей» многие, конечно, наслышаны...

Если не привязываться к конкретным терминам и эпохам, то простор для «ассоциаций» и «реминисценций» широк:

При прочтении текстов новоевропейской философии под определенным углом можно утверждать, что рационалисты и эмпиристы в своих спорах расходились лишь в том, что в первую очередь конструирует субъективный образ мира: разум или чувства. Но и то, и другое обладает в значительной степени автономной способностью формировать наше видение мира.

Для Беркли и Юма образ «реальности» создается благодаря впечатлениям и восприятиям (вопрос об «объективном» источнике этих впечатлений и восприятий может быть опущен как «метафизический»). Кантовский чистый разум конструирует реальность при помощи априорных форм созерцания и категорий рассудка, заложенная в человеке эстетическая способность конструирует мир прекрасного и возвышенного, практический разум конструирует мир морали; во всех трех случаях конструирование совершается по особому рода правилам, заключенным в самом субъекте. Эта линия развивается и усложняется в разных школах неокантианства, в том числе в философии символических форм Э. Кассирера.

В классической немецкой философии Я / трансцендентальное сознание / Дух (если переходить на язык конкретных персоналий, потребуются множественные уточнения и оговорки) конструирует не-Я, полагает себя в нем, объективируется, опредмечивается, овеществляется, «овнешняется» в инобытии (мире природы).

В феноменологии Гуссерля интенциональное сознание как «сознание о [чем-то]» населяет свой [жизненный] мир объектами и другими Я, организуя опыт субъекта в рамках естественной установки с ее аксиомами, предпосылками и принципом «эпохе». Классики прагматизма и интеракционизма говорят об инструментальных функциях познавательной деятельности, об активности сознания, помещающего данные опыта в удобные и работающие схемы решения проблем. При этом интеракционисты особенно подчеркивают, что эти схемы и модели организации опыта имеют интерсубъективный характер, то есть вырабатываются в процессе коммуникации, сосуществования Я с Другими. Идущий по стопам Гуссерля А. Шютц описывает базовые «идеализации» обыденного сознания, без которых взаимодействие любого индивида с вещами и людьми было бы обречено

¹¹ См. изложение концепции в полном, но при этом популярном формате в кн.: [Матурана, Варела, 2001].

на неудачу, и указывает на исключительное значение «типизации» как особой процедуры сортировки, селекции и архивирования информации, образующей наш поток опыта.

Сходные задачи на протяжении всего XX века своими средствами, основываясь на экспериментальной базе, пытались решать психологи: от Ж. Пиаже и Л. С. Выготского до Дж. Брунера и Дж. Келли. Психологи-когнитивисты исследовали, среди прочего, механизмы категоризации, позволяющие людям не утонуть в бесконечном разнообразии фактов, событий, ситуаций, имен, предметов, которые появляются ежедневно на нашем дальнем или ближнем жизненном горизонте, и с которыми приходится постоянно иметь дело, реагировать, приспособливаться, как-то ладить, враждовать, любить, игнорировать, манипулировать...

Джордж Келли, сделавший словосочетание «личностный конструкт» центральным в своей теоретической модели, стремился ответить на вопросы: каким образом люди при помощи этих самых конструктов — как своего рода шаблонов ориентации и способов предсказания событий — организуют свой опыт, почему одни конструкты помогают им жить, а другие мешают, можно ли перестраивать сложившиеся системы конструктов, например, при помощи психотерапевтических процедур.

В ходе решения задач по типизации и категоризации объектов люди применяют не только свои перцептивные и логико-когнитивные способности (умение сравнивать, выделять сходства и различия, искать взаимосвязи, обобщать, прогнозировать и т. д.). Они используют для этого язык как особую символическую систему. Язык можно считать одним из мощнейших инструментов конструирования реальности, причем инструментом социального происхождения. Можно также без особого риска преувеличения утверждать, что конструктивистским духом проникнута и современная философия языка — от Л. Витгенштейна до Дж. Сёрля¹².

Если картина мира всякой человеческой общности конструируется через язык, а языки бывают разные, то отсюда можно сделать вывод, что образы реальности для носителей разных языков могут отличаться: эта тема обыгрывается в смелых и небесспорных концепциях лингвистической относительности Сепира — Уорфа.

Уже Канту, в его XVIII веке, было понятно, что познание, в том числе научное, — это не просто отражение. А если даже и отражение, то свойства зеркала имеют большое значение: то есть то, что в этом зеркале отображается, зависит от отображающего не менее, чем от отображаемого. И это стало еще яснее в XX веке — как до социологической экспансии в область философии науки (например, в конвенционализме А. Пуанкаре и К. Айдукевича), так и после нее (например, в социологии научного знания, в школе Д. Блума, работах М. Малкея, К. Кнорр-Цетины, Б. Латура, С. Вулгара и др.). Понятийный аппарат, теоретические модели, логика и методология, способы интерпретации, работы с данными и постановки экспериментов — все эти параметры научного труда принципиальны для получаемого исследовательского результата и могут различаться в разных парадигмальных традициях и сообществах ученых. Так, принцип теоретической нагруженности наблюдений говорит нам о том, что ученые не просто достают «голые» факты из кладовой природы или общества, они их сразу же

¹² Последнему, в частности, принадлежит работа с прецедентным для нас названием — «Конструирование социальной реальности»/The Construction of Social Reality [Searle, 1997].

«одевают», упаковывают, фасуют, преподносят коллегам и внешней аудитории, ориентируясь на определенные (часто латентные) правила, принятые в их среде. Поэтому у социологически мыслящих науковедов возникают все основания рассуждать об «эпистемических культурах», «социальной конструкции научного факта», как бы дико это для кого-то ни звучало.

Историки конструкционистской мысли обнаруживают сходные интенции в работах авторов, которых разделяют века, — от Джамбаттиста Вико до Гарольда Гарфинкеля:

...Гарфинкель <...> в конце своей карьеры стал изучать науку как институт. <...> Примером его исследований может послужить изучение практики и языка, которым следуют астрономы, когда «открывают пульсар». В ходе своих задокументированных наблюдений он отметил, как, используя приборы, научные обозначения, специфическую речь и «институциональную память» астрономии как дисциплины, астрономы «открывают» новый пульсар. Если этот пример вызывает у вас негодование, потому что «там», где телескоп «это» нашел, что-то было, обратите внимание, что Вико и большинство дискурсивных мыслителей не утверждают, что «там» ничего нет: просто они предполагают, что смысл явления и даже наши средства распознавания «этого» являются человеческими конструкциями. Вико говорил: «Давайте оставим полное понимание природы Богу; наша задача как людей, состоит в том, чтобы понять, каким образом мы через наши институты создаем свои варианты истины». В примере Гарфинкеля о пульсаре мы видим, как люди расширяют свои институты по мере того, как они именуют и обозначают области собственного опыта. Считать, что такие значения должны рассматриваться как единственно и объективно истинные, это примерно то же самое, как если бы мы считали, что деревья следует рассматривать только как «биологический ресурс», потому что такими их видит один человеческий институт (лесная промышленность). [Lock, Strong, 2010: 24—25]

Но пригодный для когнитивного и практического освоения мир конструируется любым сознанием — как научным, так и повседневным, и в любую эпоху — у современных людей и у их далеких предков. Более ста лет назад Дюркгейм и Мосс в своей классической работе о «первобытных классификациях» на богатом антропологическом материале показали, как коллективные представления людей, живших в дописьменных обществах, изоморфные социальной структуре конкретной группы (племени, клана, фратрии и т. д.), «размечают», «нарезают» и организуют вселенную аборигена, творя богов, священные объекты, светила, стороны света, населяют ее «своими» и «чужими», дружественными и враждебными элементами, животными, растениями, определяют взгляд на причинность, закономерности жизненного цикла, логику рождения и смерти, здоровья и болезни, в общем — формируют «матрицу» категорий, проецируемую на мир.

А еще много бывает на белом свете конструктивизмов? Эволюционная эпистемология, некоторые версии аналитической философии, уже упоминавшийся радикальный конструктивизм, Нельсон Гудмен, Ром Харре, фукольтианцы и критические дискурс-аналитики, многие социологи-теоретики «первого ряда известности», например, Бергер, Лукман, Элиас, Бурдьё, Гидденс, Гофман, — каждый

по-своему и все в разных смыслах¹³. Список этих конструктивизмов или *как бы* конструктивизмов, извлекаемых из идейных родословных разных дисциплин, можно расширять и далее.

Для чего, спрашивается, делался этот весьма фрагментарный экскурс? Для того чтобы обесмыслить саму номинацию «конструктивизм/конструкционизм» как слишком широкую, условно покрывающую и лишь поверхностно характеризующую крайне разнородную совокупность авторских теорий, исследовательских направлений и течений мысли (причем характеризующую их только до известной степени)? Пожалуй, все-таки нет!

Действительно, при определенном подходе к делу добрую треть истории философии и социально-гуманитарных наук можно преподнести читателю в конструкционистском ключе, но можно этого и не делать. Из приведенного экскурса вытекает лишь одно: конструктивистские мотивы могут быть обнаружены во множестве теорий, притом в разных областях знания (само употребление терминов, производных от слов «конструкция», «конструкт», «конструировать», не является здесь ни обязательным, ни первостепенным по значимости).

В любом случае термины конструктивизм/конструкционизм не могут употребляться с той же относительной четкостью как, например, такие понятия, как позитивизм, марксизм, фрейдизм, бихевиоризм, интеракционизм, экзистенциализм и т. д., так как они не выступают в качестве названия какого-то конкретного (пускай даже и весьма разветвленного) идейного течения. В данном случае мы имеем дело скорее с термином-рамкой, обладающим предельно растяжимыми границами, и это не значит, что его не имеет смысла употреблять вовсе, как и, наоборот, что его можно употреблять без всякого разбора.

Вполне естественно, однако, что сторонники конструктивизма ведут борьбу за собственную историю. Ярким примером может служить и книга Лока и Стронга. Поскольку в «серьезных кругах», тяготеющих, скорее, к научному реализму, о конструктивизме порой выражаются нелестно, усматривая в нем дань легковесной моде и своего рода интеллектуальное хулиганство, конструктивистам приходится защищаться.

Как мы видели, в случае с конструктивизмом приписываемая ему биография выглядит не менее почтенно, чем нынешнее его состояние. Чем благороднее и солиднее генеалогия, тем лучше: больше оснований для самоутверждения и проще противостоять оппонентам. Список классиков и авторитетных персон, которых берут в союзники и у которых вычитывают полезные идеи, влияет на текущий уровень респектабельности конструктивизма как особого стиля теоретизирования и стратегии исследовательских практик.

Конструктивизм versus конструкционизм

Любой заинтересованный читатель или пользователь всемирной паутины, захотевший самостоятельно разобраться в вопросе, чем отличается [социальный] конструктивизм от [социального] конструкционизма, скорее всего, будет разочарован, обескуражен или даже раздражен. Призывы некоторых популярных

¹³ Как было показано выше, в области социологической теории с известными оговорками (при желании) можно быть «конструктивистом» и «структуралистом» одновременно.

информационных ресурсов не путать эти понятия способны лишь усилить уровень неудовлетворенности. При этом путаница наблюдается отнюдь не только в русскоязычном сегменте глобального информационного пространства. Во многих случаях данные термины являются фактически взаимозаменяемыми, а в тех контекстах, где это не так, в дело вступают большей частью вкусовые лексические предпочтения. Поскольку история конструктивизма/конструкционизма, в том числе новейшая, напоминает судьбу ребенка, оставшегося на попечении семи нянек, наблюдаются разночтения даже в официальных именах воспитанника.

Психологи, в том числе практикующие, которые стремятся не только изучать процессы социального конструирования реальности, осуществляемого акторами, но и оптимизировать их в интересах своих клиентов и для достижения целей индивидуального психического здоровья, личностного роста, семейной гармонии, организационного развития, повышения уровня взаимопонимания, налаживания коммуникации, разрешения конфликтов и устранения дисфункций в групповых отношениях предпочитают термин «социальный конструкционизм».

Это относится, среди прочего, к некоторым консолидированным сообществам специалистов в указанной области, включающим как теоретиков и методологов, так и консультантов, психотерапевтов и тренеров. Примером такого профессионального коллектива единомышленников, территориально рассеянных по всему миру, можно считать Таосский Институт, вдохновителем создания и «идеологом» которого выступал Кеннет Герген — американский социальный психолог, взгляды которого рассматриваются в одной из глав настоящей книги. Собственно, Энди Лок и Том Стронг являются аффилированными членами этого сообщества и последователями Горгена, поэтому неудивительно, что заголовок их книги содержит именно термин «социальный конструкционизм» — с важным уточнением, что речь в их работе будет идти не только о теории (конструкционизме как сугубо исследовательском направлении), но и о практике в обозначенном выше понимании.

Во многих других случаях и контекстах термины «конструкционизм» и «конструктивизм» оказались перепутанными (без тяжких последствий) и реально накладывающимися друг на друга. Комплексы идей, скрывающиеся за терминами «конструкционизм» и «конструктивизм», как и сами эти собирательные понятия, похожи на сообщающиеся сосуды, стоящие в разных комнатах, но снабжаемые частично из общей, а частично из сепаратных систем водоснабжения. У приверженцев разных версий конструктивизма/конструкционизма разный образовательный бэкграунд, дисциплинарная идентичность, корпус чтения, среда профессиональных контактов. Однако это не мешает ни их диалогу, ни циркуляции ряда ценных идей в трансдисциплинарном интеллектуальном поле.

Правильной, единой, сквозной трансляции терминов «[социальный] конструктивизм» и «[социальный] конструкционизм», осуществляемой при переводе с одного языка на другой и обеспечивающей четкое понятийно-лексическое различие/несмешение первого и второго, не существует. Многолетние наблюдения за бытованием этих двух слов в языке российских гуманитарных наук свидетельствуют, на наш взгляд, о доминировании термина конструктивизм, ставшего более привычным и узнаваемым для отечественных читателей (видимо, хотя бы частично

из-за большей распространенности определенных переводческих решений) и, соответственно, более употребимым.

И наконец о книге Э. Лока и Т. Стронга

Предлагаемая книга знакомит читателя с вкладом теоретиков и школ, на разных этапах формировавших идейный фундамент социального конструкционизма как «парадигмы»¹⁴ в социальных и гуманитарных науках. Почему именно конструкционизм? Энди Лок и Том Стронг убеждены в его эвристическом потенциале для анализа человеческих обществ в условиях культурных столкновений и непонимания, вызванных глобализационными процессами.

Данная книга — своего рода гид по ключевым концепциям, теоретически или методологически развивающим конструкционистское понимание социальной реальности. На этом пути встречаются философы (притом совершенно разных направлений), психологи, социологи, историки, языковеды и биологи, хотя основной упор делается все-таки на предметном поле психологии: оба автора специализируются в названной сфере и представляют соответствующие департаменты университетов Новой Зеландии и Канады — регионов хоть и культурно близких, но нанесенных почти на диаметрально противоположные участки глобуса. И действительно — сам конструкционистский дискурс сегодня является в некотором смысле мировым духовным поветрием.

Именно нуждами психологии как «материнской» для авторов дисциплины продиктованы две основные задачи книги. Авторы, с одной стороны, стремятся к корректировке ряда упрощенных, по их мнению, механистических представлений о человеке и человеческой деятельности, а с другой — пытаются показать, как конструкционистские идеи могут помочь преодолеть проблемы современной психологической исследовательской практики. Семнадцать глав книги решают означенные задачи в диахронном режиме. При этом попутчиками авторов становятся Дж. Вико, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, А. Шютц, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр, М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Дж. Г. Мид, Я. фон Иксюль, Л. Витгенштейн, Г. Бейтсон, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Э. Гидденс, Н. Элиас, М. Фуко, Р. Харре, Дж. Шоттер, супруги К. и М. Герген и другие.

Можно спорить о представительности этого яркого списка, но нет сомнений — имена подобраны со вкусом и... знанием дела. Адресация к такому разнородному и мультидисциплинарному интеллектуальному иконостасу обеспечивает широту экспозиции темы и заставляет читателя лишний раз убедиться в том, что «призрак» конструктивизма/конструкционизма (совершенно независимо от употребления или неупотребления этого «трудного», семантически нечеткого термина как особой концептуальной номинации) на сцене исторической эволюции социально-гуманитарного знания является персонажем отнюдь не новым и весьма влиятельным. Главное же для комментатора и/или внимательного читателя — способность распознавать конкретные инкарнации упомянутого многоликого «призрака», умение

¹⁴ Вопрос о том, может ли социальный конструкционизм считаться «парадигмой» (в специально науковедческом/«куновском» смысле), разумеется, является дискуссионным.

Далее — в финальном разделе этого предисловия, где речь пойдет уже конкретно о книге Лока и Стронга, — мы будем употреблять по преимуществу термин «социальный конструкционизм» (а не конструктивизм), следуя за авторами, использующими его как ключевой концепт.

вытаскивать его за хвост из пучины истории идей и атрибутировать его специфические характеристики.

Энди (Эндрю) Лок — профессор университета Мэсси, Том Стронг — профессор университета Калгари. Территориально соавторов разделяет немелкий Тихий океан, но единомышленникам бывает и море по колено, ведь им нужно держаться вместе. Психологи-конструкционисты, вероятно, сравнительно более консолидированы, чем их коллеги из смежных дисциплин, в которых симпатизирующие конструкционистским идеям распределены более диффузно. И это потому, что они находятся в меньшинстве — даже если назвать их «сектой» было бы некоторым преувеличением. Чтобы эффективнее противостоять мейнстримным течениям в психологической науке и бороться с академическим истеблишментом, важно, среди прочего, «читать предков» и усиливать собственные позиции через обращение к наследию друзей и соседей по академическому миру, даже имеющих или имевших другую дисциплинарную идентичность.

Представляемая здесь родословная конструкционизма написана психологами, и, по-видимому, адресована главным образом психологической аудитории. Если бы она была написана, скажем, социологами или философами, акценты в ней были бы расставлены по-другому, набор имен и распределение материала были бы иными. Но это не значит, что перед нами книга по психологии. Среди героев исторической хроники конструкционизма, созданной Локом и Стронгом, психологов не так уж и много. Сами авторы «летописи» — убежденные конструкционисты, связанные со школой Гергена — Шоттера, поэтому книга носит в некотором роде апологетический характер: они не просто рассказывают о своем предмете, но агитируют за конструкционизм, причем конструкционизм вполне определенного толка.

Отбор фигурантов «[оправдательного] дела о конструкционизме», осуществляемый авторами, связан с их особыми предпочтениями, кругом чтения и во многом навеян — если угодно, вдохновлен — Дж. Шоттером и К. Гергеном как своего рода старшими товарищами, учителями и наставниками. Сами Лок и Стронг, сетуя на то, что книга и так получилась слишком объемная, честно признают: за бортом остались многие и многое — концепции постколониализма (Э. Саид, Х. Бхабха), феминизма (Дж. Батлер, Ю. Кристева) и постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр), Ж. Деррида, критическая теория Франкфуртской школы.

Говорить об «исчерпывающей» полноте галереи, видимо, не стоит. В линии прагматизма — интеракционизма выбор пал на Джорджа Герберта Мида, хотя в сходном ключе можно было бы анализировать работы У. Джемса (из категории философов и психологов) или Ч. Х. Кули (из категории социологов). Приятным сюрпризом для отечественного читателя может стать оценка вклада российской науки: на страницах книги рассматриваются воззрения Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, а также идеи менее известного ученого бахтинского круга Валентина Волошинова, изложенные в работе «Марксизм и философия языка» и критическом очерке о фрейдизме. Авторы обходят стороной, то есть обходятся без корневой для современной психологии когнитивистской линии Ж. Пиаже — Дж. Брунера — Дж. Келли, а также без П. Вацлавика и связанной с ним междисциплинарной группы «радикальных конструктивистов» (хотя творчеству Грегори Бейтсона, сотрудничавшего

с Вацлавиком, посвящена целая глава). Среди биологов предпочтение отдается Якобу фон Икскюлю (кстати, выходцу из Российской империи). Хотя на его месте могли легко оказаться Умберто Матурана и Франциско Варела или не такой «шокирующий», но не менее авторитетный Конрад Лоренц.

Феноменологическая традиция представлена стандартно, однако до обстоятельного обсуждения социально-конструкционистского теоретического синтеза, предложенного Бергером и Лукманом, дело не доходит. Отбор крупноформатных социологов происходит на букву «Г» (по принципу заглавной литеры), хотя отбор весьма достойных: Гарфинкель, Гофман, Гидденс. В этой компании явно не хватает П. Бурдьё¹⁵, хотя его отсутствие отчасти компенсируется изложением взглядов М. Фуко и критических дискурс-аналитиков. Все это мы, естественно, отмечаем не в плане критики, но лишь чтобы обозначить лакуны.

Этот идейно-концептуальный калейдоскоп, проецируемый на страницах книги, выглядит впечатляюще, поскольку задачу вычитать из наследия столь непохожих друг на друга ученых и мыслителей релевантные современным дискуссиям конструкционистские мотивы отнюдь нельзя считать тривиальной. И для этого не надо доказывать, что, мол, М. Хайдеггер или М. Бахтин, Н. Элиас или Г. Бейтсон были «на самом деле» образцовыми/закоренелыми конструкционистами.

«Благородные истины» социального конструкционизма.

Стремление к диалогу или раскачивание лодки?

Чем же является социальный конструкционизм для Лока и Стронга, на каких основаниях он держится? Конструкционизм — не единая школа, а «конгломерат подходов», скрепляемых, однако, «каркасом» взаимосвязанных положений, которые можно эксплицировать следующим образом.

Во-первых, человеческая деятельность содержит «неустранимое» смысловое измерение. Говоря в шютцеанской манере, реальность человеческой жизни есть «мир, светящийся смыслом». Циркулирование *смыслов* в этой реальности предполагает возможность их *понимания*, а сами они фиксируются на языковых носителях, то есть даны нам и другим похожим на нас существам в формах языка как особой символической системы.

Во-вторых, «смыслы и понимание возникают в процессе социального взаимодействия» [Lock, Strong, 2010: 7]. Трансляция смыслов (с многочисленными оговорками) оказывается возможной благодаря установлению определенного уровня *согласия* по поводу того, что понимать, как и каким способом. Иначе говоря, процессы обращения смыслов в мире культуры носят принципиально intersubjective, то есть социальный характер.

В-третьих, «в силу того, что способы создания смысла изначально заложены в социокультурные процессы, они специфичны для конкретных исторических периодов и территорий. Таким образом, значения тех или иных событий, характер их оценки и их понимание могут отличаться в разных ситуациях» [ibid.: 7]. Это значит, что фрагменты intersubjective человеческого опыта — формы обыденного и теоретического знания, обычаи, традиции, верования, институты — являются

¹⁵ Неслучайно ведь интегральный подход Бурдьё к изучению социальной реальности именуется генетическим (или конструктивистским) структурализмом.

в высокой степени исторически вариативными (в диахронной оптике) и весьма дифференцированными (в синхронной).

Как учил провозвестник конструкционизма Дж. Вико, к позабытой мудрости которого авторы постоянно апеллируют: «к пониманию людей, того, что они делают и творят, следует подходить с учетом условий и практик, которые соответствуют их местоположению в их мирах, а не с точки зрения каких-либо общих стандартов и непреходящих принципов» [ibid.: 19].

Языки, как и культуры, бывают разные, хотя это и не следует понимать в духе абсолютного релятивизма (типа шпенглеровского). Адекватное познание смысла сделанного и сказанного потенциально возможно, но прежде всего в рамках конкретного социально-исторического «здесь и теперь». Множественность и разнообразие культурно сконструированных кодов, паттернов и языковых правил нередко приводит в замешательство участников социального, в том числе речевого, взаимодействия. Трудности, возникающие в процессе межкультурной коммуникации, эмпирически наглядно свидетельствуют о подобной плюральности норм и традиций, социально легитимированных привычек и обыкновений.

Иллюстраций здесь можно приводить тысячи. Пара примеров от авторов книги. Китайские руководители хотели накормить Ричарда Никсона лучшими кусками блюда из общей тарелки, но американский президент почему-то воспротивился, не оценив проявленного к нему высокого уважения. Прилагательное *bad* в одном и том же, казалось бы, английском языке, но в разных ситуационных контекстах и лингвокультурных средах может означать противоположные вещи, и лишь компетентный считыватель смыслов — практический пользователь арсеналов символических систем — в состоянии определить, похвалили или отругали в конкретном случае применения словесной формы человека, унизили или превознесли. Девушка, назвавшая своего приятеля в разговоре с подругой «настоящим плохим парнем», вероятно, сделала ему комплимент (хотя точно можно сказать, только учитывая весь комплекс сказанного, подразумеваемого, обстоятельства)¹⁶.

В-четвертых, из предыдущих пунктов вырастает «антиэссенциалистская» установка конструкционизма: «Если люди формируют себя в рамках изменяющихся социокультурных традиций, то они способствуют созданию дискурсов, которые они используют для определения самих себя. Таким образом, люди — это самоопределяющиеся и социально сконструированные участники в рамках их совместной жизни» [ibid.: 7]. Рассуждения о «сущности» человека, его «неизменной природе» всегда настораживают конструкционистов. Человеческая природа, что бы ни означало это содержательно мало определенное понятие (потребности, наклонности, пути и механизмы их удовлетворения и реализации), весьма пластична. Здесь

¹⁶ В связи с этим вспоминается аналогичный пример из недавней истории корпоративного неформального языка сотрудников одного российского академического института: на жаргоне наиболее авторитетных его работников, которых нельзя было заподозрить в хамстве или фамильярности, ситуативно корректно употребленное слово «придурок» означало высшую степень похвалы, и приравнивалось по смыслу к развернутому выражению «человек, истинно и безоговорочно преданный науке». И все посвященные легко схватывали смысловой посыл этой игры слов, поскольку фактически обладали навыками «правильной» символической кодировки элементов социального миропорядка, использовавшейся в данной среде (несмотря на кажущуюся рассогласованность некоторых принятых в ней практик словоупотребления с усредненными нормами использования конкретных семантических единиц в более обширном языковом поле).

уместно сравнение с глиной: в самой структуре глины не заключено, что из нее будет вылеплено — амфора, горшок или детская игрушка. В этом смысле, «собой люди могут быть по-разному».

И, наконец, **в-пятых**, для конструкционизма характерна более или менее явно выраженная «критическая ориентация» как специфическая особенность взгляда на социальный мир. Она связана с пониманием того, что этот мир, в отличие от мира природы, мог бы быть другим, поскольку он в конечном счете творится людьми. Основополагающий принцип «Новой науки о природе наций» Дж. Вико гласит: история творится самим человеком. В любых исторически сложившихся формах человеческих отношений — не только на уровне институтов, но и на уровне дискурса, в символических системах — воспроизводятся определенные структуры власти и доминирования, одни индивиды и группы в этих институциональных и языковых играх (и битвах) выигрывают, другие — проигрывают, находясь обычно в неравных условиях. И никакой из подобных раскладов сил нельзя считать данным «на веки вечные».

Позиция конструкционизма вполне согласуется с принципами «критической» теории, противопоставляющей себя теории «традиционной» (в терминологии Хоркхаймера и Маркузе). Нет великого блага в том, чтобы просто объяснять хитросплетения клубка социальных отношений! Поэтому не только старик Карл и со товарищи с их одиннадцатым Тезисом, но и конструкционисты хотели бы изменить мир к лучшему...

Конечно, не для всех персонажей истории, описываемой Локом и Стронгом, будут в полной мере верны все пять из озвученных «благородных истин». Это всего лишь идеализация картины, а дьявол и бог, как известно, проявляются в мелочах, то есть детали в рассматриваемых подходах имеют значение, и ими не следует пренебрегать.

Например, из идеи исторической относительности (релятивности) любых правил еще не следует с необходимостью целесообразность их разрушения. Конвенциональный и дискурсивный характер социальных норм (языка, морали, права, этикета, приличий и т. д.) не делает их бессмысленными. Если мы признаем условность, социально-культурно-историческую обусловленность, вариативность, сконструированность чего-то, то это не значит, что мы предлагаем это уничтожить. Мир держится на условностях — это нормально, как и нормально, с другой стороны, что эти условности могут со временем меняться.

Не раз подчеркивалось, что отсутствие эффективно работающих форм регламентации человеческих действий и соответствующих им систем субъективной мироориентации в сознании акторов мгновенно превратило бы социальную жизнь рода человеческого в кошмар, очень похожий на состояние гоббсовской войны «всех против всех». Именно поэтому приходится говорить о стремлении к согласию и поиске взаимопонимания как фундаментальных (хотя и все время норовящих ускользнуть) предпосылках социального порядка, организованного человеческого общежития как такового. Поэтому логика аргументации социального конструкционизма может быть как «революционно», так и «консервативно» ориентированной. А герой восьмой главы книги — Людвиг Витгенштейн, — напомним, заявлял, что философия должна «оставить все как есть».

Лок и Стронг, идущие по стопам К. Гергена, подчеркивают близость многих стартовых устремлений конструкционизма и постмодернизма. Симпатии к постмодернизму как к широкому идейному течению в конструкционистских кругах объяснимы. Если представлять идейную полемику последних десятилетий очень грубо, можно констатировать: конструкционисты и постмодернисты, упрекаемые их оппонентами в релятивизме и стремлении к подрыву основ мироздания, — на одной стороне баррикад; реалисты и эссенциалисты, упрекаемые в свою очередь их противниками в фундаментализме и попытках консервации статус-кво (кишащего всевозможными проявлениями социальной несправедливости, явной или скрытой) под видом борьбы против анархии и защиты «естественного порядка вещей», — на другой стороне.

Как замечает Кеннет Герген, «авторитетные заявления о природе мира сейчас повсеместно ставятся под сомнение; примеры „социальной конструкции чего-либо“ повсеместно подчеркивают культуральное и историческое значение того, что иначе считалось бы само собой разумеющимся» [Герген, 2016: 19—20]. А его супруга Мэри призывает «ставить под сомнение — но не отрицать — все лингвистические категории, и в особенности противостоять укоренению универсальных, вневременных категорий, включая гендерные» [Gergen, 2001, цит. по: Lock, Strong, 2010: 304]. Однако стремление к диалогу в этих трудных условиях «конца граннарративов» должно лишь обостряться. В современном глобализованном мире ни у кого нет исключительного права на обладание истиной. «В условиях постмодернизма личности существуют в состоянии постоянной конструкции и реконструкции; это мир, в котором возможно все, о чем можно договориться» [Gergen, 1991, цит. по: Lock, Strong, 2010: 302]. И договариваться, увы, приходится.

Мы уже попытались показать, что [социальный] конструкционизм и [социальный, научный] реализм в логическом, эмпирическом, прагматическом, моральном отношениях не непримиримы. (Как бы) «субъективные» социальные конструкты и (как бы) «объективные» социальные структуры сделаны из одного и того же материала, хотя и данного нам в отчасти несходных агрегатных состояниях: чувств, мыслей, суждений, настроений, слов, переходящих в поступки и обратно, поступков, переходящих в слова, представления, мнения, эмоции. В обоих случаях этих взаимных переходов наблюдается рутинизация, кристаллизация и институционализация социального вещества.

Социальные конструкты только «объективируясь» могут выступать в качестве более или менее надежного средства согласия и связующей силы в ситуациях интеракции. Если мы хотим чего-то вместе добиться, надо как-то координировать совместную деятельность, например, через принимаемое по умолчанию (или специально обсуждаемое) единообразие используемых в практической жизни знаковых форм и норм: если вы пилот, вам надо говорить с авиадиспетчером на одном профессиональном языке, в противном случае вы рискуете спровоцировать катастрофу¹⁷.

Конструкционистский и реалистский дискурсы в практической жизни сосуществуют, пересекаются, расширяя границы друг друга. Герген находит удачные образы для подтверждения такой взаимосвязи:

¹⁷ Здесь мы воспроизводим пример, приводимый Гергеном [Герген, 2016: 45].

Самые яркие конструкционисты будут полагаться на реалистскую традицию, когда будут учить своих детей «вот это — собака» и «вон то — кошка». И если бы конструкционист увидел, что его дом горит, и закричал «Бегите, пожар!», он вряд ли захотел бы, чтобы его семья посмотрела на него с подозрением и ответила «Ох, это всего лишь твоя конструкция происходящего». Конструкционист хотел бы, чтобы его предупреждение восприняли согласно реалистским условностям. Подобным образом те, кто принял принципы реализма, часто обращаются к арсеналу конструкционистских аргументов. Захотел ли бы самый преданный реалист убрать из своего репертуара такие кон-версационные ходы, как «Это лишь твоя версия», «Это культуральный миф», «Они все выдумывают», «Этот новостной репортаж искажен в пользу государства» и «Ты слишком жестко об этом высказываешься»? Даже эмпирик, не знакомый с конструкционистской теорией, может захотеть сказать: «Учитывая их теоретические убеждения, я могу понять, как они пришли к такому выводу» или «Физика, биология и психология являются разными способами концептуализации мира». [Герген, 2016: 42]

Возобновляя Methodenstreit: линия Вико против линии Декарта

Весьма сензитивной тематической областью для психологов-конструкционистов оказывается сфера методологической рефлексии, что отчасти можно объяснить их «уязвленным» положением в структуре профессионального сообщества: они если и не откровенные аутсайдеры, то, по крайней мере, ощущают себя находящимися в оппозиции к доминирующей исследовательской традиции в психологической науке. Никто из ученых не хочет чувствовать себя оттесненным на периферию развития своей научной отрасли.

В связи с этим Лок и Стронг неоднократно вспоминают знаменитый «спор о методе», так называемый Methodenstreit. В конце XIX века в методологии еще сравнительно молодых социальных и поведенческих наук наметился раскол. Сама усиленная методологическая рефлексия того времени стала, с одной стороны, естественной реакцией на эмансипацию наук о человеке от философии, уже частично состоявшуюся, а с другой — на искушения, которые нес с собой позитивизм.

В головах озабоченных методологическими проблемами человеко- и обществоведов вырисовывались две стратегии — конечно, не реальные, а, скорее, идеально-типические.

Либо науки о человеке и обществе идут по пути естествознания, стремясь во всем походить на Naturwissenschaften (науки о природе). Это позитивистски-натуралистическая линия, «объективистская», номотетическая, универалистская, «объясняющая». Социальные, культурные, психические, исторические феномены рассматриваются как подобласть царства механической причинности. Использование математических методов, моделей, измерений всего и вся приветствуется. А почему бы, в самом деле, их не применять, если человек — машина? В психологии оформляется бихевиоризм — взгляд на человека как на сложноорганизованную лабораторную крысу.

Либо нужно идти каким-то другим путем: своим, особенным, сохраняя самобытный статус Geisteswissenschaft (науки о духе), или, как вариант — Kulturwissenschaft (науки о культуре). Это «субъективистская», гуманистическая, интерпретативная, герменевтическая, историцистская, идиографическая линия. Наука погружена

в конкретную культуру, общих законов не выводим. Свой предмет не «объясняем», а пытаемся «понять»/истолковать, изучаем субъективное смысло- и целеполагание, практикуем либо эмпатию (вживание), углубленное историко-психологическое описание и толкование феноменов культуры (В. Дильтей), либо сложную рациональную реконструкцию социально и культурно обусловленных мотивов акторов и/или распутывание конкретно-исторических констелляций, образуемых комплексами ценностно окрашенных человеческих действий и порождаемых ими социальных отношений (М. Вебер).

Еще раз подчеркнем: это лишь воображаемые крайности, поскольку реальным исследовательским практикам в области наук о человеке обычно удавалось просачиваться между встававшими на их пути твердынями, комбинировать подходы и аналитические стратегии, исходя из текущих познавательных нужд.

Но все же спор о методе задавал определенные ориентиры. Экономисты, например, в основной массе (хотя и не все) предпочли первый из очерченных путей. Психология — тоже, правда, с гораздо меньшей категоричностью (исключений множество) — сделала выбор в пользу натурализма — сциентизма. Путь подражания естествознанию стал столбовой дорогой для продвижения большинства исследовательских инициатив и проектов в области социально-поведенческих наук, особенно проектов коллективных и эмпирических, требовавших мощной институциональной поддержки со стороны университетов. Так сформировался академический мейнстрим. Флагманом и образцом здесь на протяжении последнего столетия оставались исследовательские структуры Соединенных Штатов.

Но существовали и те, кто остался вне мейнстрима, причем вполне сознательно, и социальные психологи-конструкционисты относятся к данной категории. Обрисованная ситуация в чем-то напоминает сценарий ссоры «большевиков» и «меньшевиков»: первые оказались в большинстве и взяли власть, вторые остались в меньшинстве, став в истории движения своего рода укором для победителей.

В социологии картина складывалась отчасти похожая, но все же менее драматичная. Разные версии методологических сциентизмов — как теоретического, так и эмпирического покроя — доминировали в мировой, и прежде всего американской социологии, но это никогда не приводило к исчезновению многочисленных методологических альтернатив. Например, последние десятилетия наблюдается настоящий бум так называемых «качественных исследований», а их производители и поклонники не выглядят как затравленное научным истеблишментом меньшинство. Качественники, конечно, не победили количественников, и вряд ли им это удастся в обозримой перспективе, но в социологии сегодня они отнюдь не «в загоне».

Однако в теоретическом и историческом ракурсах важны аргументы спора между доминирующей и конкурирующей с ней, альтернативной методологическими стратегиями. И здесь психологи-конструкционисты используют ходы и фигуры, похожие на те, что неоднократно применялись в интерпретативной социологии — в частности, в социологии знания.

Весьма примечательный (и небесспорный для историка науки) факт: Лок и Стронг выводят магистральную методологическую линию, укрепившуюся в социальных науках, из наследия Декарта, а противостоящую ей, которую, по их мнению,

развивают конструкционисты, — из наследия Вико. Неаполитанский мыслитель предстает в книге как подлинный прародитель конструкционизма. «Современный интеллектуальный ландшафт выглядел бы совершенно иначе, если бы он был сформирован последователями Вико, а не последователями Декарта», — сетуют авторы книги [Lock, Strong, 2010: 19]. Позже они уточняют:

Существует контр-традиция, которая противоборствует традиции, укрепившейся в психологическом мейнстриме. <...> Она предоставляет более подходящие рамки для концептуализации и исследования насыщенной смыслами реальности человеческого существования, нежели доминирующая традиция. Наша исполненная значениями реальность гораздо «беспорядочнее», чем полагают наследники Декарта, и гораздо таинственнее. [ibid.: 353]

Спрашивается, чем же так плох Декарт¹⁸ и какие претензии можно предъявить картезианской модели научного знания? Взгляд декартовской науки на мир несовершенен, монологичен и авторитарен: есть познающий субъект и распростертая перед ним реальность, одна и та же, неизменная, которую он препарирует в своем мышлении при помощи определенного «стерильного» инструментария. Математика в этом смысле стерильна и универсальна, но способна своей стерильностью убить все живое, к чему прикасается. Субъект отделен от своего объекта идеально прозрачной пуленепробиваемой перегородкой¹⁹. Но «понятие Декарта о неопровержимой, объективной истине в единственном числе» с современной точки зрения не выдерживает критики, и ему конструкционисты противопоставляют позицию Вико: «истина кроется внутри человеческих институтов, и существует во множественном числе» [ibid.: 24].

Более развернуто эту позицию авторы выражают в следующих словах:

Как мы вообще могли прийти к такому убеждению, что может существовать истина в единственном числе, когда видов истины, относящейся к человеческим институтам, такое же изобилие, как видов культур, наук или даже семей? Там, где Декарт видит одну

¹⁸ Использование авторами книги именно фигуры Декарта как своего рода «мальчика для битья» может вызывать возражения и является во многом условным (на его месте мог бы оказаться кто-то другой). То же, впрочем, верно и в отношении его позитивного антагониста — Вико. Так, проводником и помощником в нелегком деле интерпретации авторами аутентичного наследия Вико становится Исайя Берлин.

С другой стороны, Декарта с его *ego cogito* также можно считать провозвестником ряда конструктивистских идей. Неудивительно поэтому, что одна из ключевых работ Э. Гуссерля получила название «Картезианские медитации». Хотя Декарт, конечно, не был предтечей именно социальной или социологической версии современного конструктивизма.

¹⁹ Собственно, претензии к Декарту не новы: радикальное разведение субъекта и объекта, осуществленное на заре Нового времени в картезианской модели науки, может рассматриваться как метафизическая предпосылка для обоснования безграничной власти Субъекта над всего лишь объектом — миром вещей, неодушевленной природой, протяженной материей. И гордый человек-субъект нередко сам попадает в разряд «объектов», по собственному недосмотру и/или чужой инициативе. Конкретные люди и социальные общности (те, кому почему-то не повезло) всегда рискуют быть записанными кем-то из собратьев по разуму в категорию «недостаточно разумных», не дотягивающих до права выступать в роли полноценных Субъектов. Тем самым они обретают статус пассивных элементов предметного мира, подлежащих манипулированию, управлению, направлению, обработке, формовке, принудительной организации, координации, регламентации — технологическим воздействиям, проводимым в соответствии с логикой инструментальной рациональности во имя каких-то «высоких» ценностей, например, прогресса, национальных интересов, партии, народа, государства, отечества, будущих поколений, народного хозяйства, рынка, эффективности, продуктивности, результативности, скорости, инноваций, максимизации показателей, повышения конкурентоспособности и т. п.

всеобъемлющую, абсолютную истину, Вико видит множество истин, и все они встроены в созданные людьми и исторически обусловленные общественные отношения... Вико призывает нас принять сложность человеческих смыслов и их относительность и не покупаться на манящую внешним изяществом внечеловеческую рациональность Декарта. Декарт заявил одну созданную человеком модель рациональности как ту единственную, посредством которой знание «должно» быть познано. Вико взглянул вокруг и обнаружил множество моделей, возникших в процессе культурного и исторического развития. [Ibid.: 24—25]

Соотечественник и младший современник Декарта Блез Паскаль еще до рождения Вико заметил, что «истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую» (правда, высказывание это содержало явный иронически-саркастический подтекст).

Мотивы критики здесь хорошо узнаваемы. Для представляемой Локом и Стронгом части профессионального сообщества программным произведением является статья К. Гергена «Социальная психология как история», доступная и русскоязычному читателю²⁰. Предмет социальных наук глубоко историчен, поэтому универсалистские амбиции картезианской методологии, имплантируемой в те или иные разделы общественнознания, постоянно дают сбой. Более того, если не существует вневременных, универсальных способов когнитивного и практического освоения мира, тогда привилегированный статус науки как такой формы знания, которая ошибаться не может (если мы все правильно сделали: посчитали, замеры, изучили, проанализировали), улетучивается. Наконец, индивид, актер, пациент, клиент, респондент, информант, интервьюируемый, член контрольной или экспериментальной группы или любой другой социальной общности не является всего лишь «тривиальной машиной» (оборот Х. фон Фёрстера²¹), он чувствует себя «не номером, но свободным человеком», и не без оснований.

Модель универсального научного знания как продукт абсолютизации методологического опыта точных наук возникла в определенный период истории, а именно в эпоху раннего Нового времени в Западной Европе, и имела специфические социокультурные корни. На протяжении многих столетий, предшествовавших этой эпохе, человек не мог отважиться на такую «вселенскую дерзость». Гипертрофированный индивидуализм культуры нарождающегося модерна сделал человека — носителя научно-технического разума властелином мира, способным не только открывать его законы, но и использовать полученные знания как оружие его покорения. У названного идейного прорыва было множество следствий, как позитивных, так и негативных, и он во многом повлиял на формирование того общественного космоса, в котором проживают свои жизни современные люди. Но сам факт социально-исторической укорененности, и в этом смысле «относительности», картины мира картезианской науки вполне очевиден не только для новейших психологов-конструкционистов, но и, например, для классиков

²⁰ Герген К. Социальная психология как история (часть 1) // Психологическая сеть российского Интернета. 1998. URL: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/gergen1_1.htm (дата обращения: 02.09.2020)..

²¹ Кстати, тоже конструктивиста, но совсем другой школы.

социологии знания — Карла Мангейма и Макса Шелера, — о которых, кстати, Лок и Стронг не рассказывают.

***

Зачем сегодня читать книгу о социальном конструировании реальности и устройстве «матрицы» общественной жизни? Вопрос, во многом, риторический. С профессиональной и дидактической точек зрения, совместная работа «транс-тихоокеанского» альянса психологов представляет собой хоть и не исчерпывающее, но, как минимум, проблемно и тематически полихромное «Введение в социальный конструкционизм», и знакомство с ней может быть полезно как для действующих специалистов в области социальных исследований, так и для тех, кто еще учится. А с общемировоззренческой позиции, конструкционистские метафоры и описания социальной жизни помогают не только оценить вездесущность и виртуозность работы окружающих и вписанных в нас структур, их упрямый, «фактический» характер, но и осознать, что мы сами производим их на свет, и гибкость этого процесса может быть весьма значительной. И это отчасти сглаживает, хотя и не снимает полностью, то фундаментальное напряжение, которое встроено в отношения между структурами (самого разного происхождения и статуса) и шансами человеческой свободы.

Список литературы (References)

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 61—272.

Weber M. (1990) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: *Selected Works*. Moscow: Progress. P. 61—272. (In Russ.)

Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте / пер. с англ. А. А. Киселёвой, Ю. С. Вовк. Харьков: Гуманитарный центр, 2016.

Gergen K. J. (2016) Social Construction in Context. Kharkov: Gumanitarniy Tsent. (In Russ.)

Лукман Т. Социология: профессия и призвание / беседовала Е. Здравомыслова; пер. с англ. А. Ханжина // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4. С. 5—14.

Luckmann T. (2002) Sociology: Profession and Mission. An Interview. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 5. No. 4. P. 5—14. (In Russ.)

Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Maturana H., Varela F. (2001) The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: PHREN Verlag, 2000.

Tsokolov S. (2000) Discourse of Radical Constructivism. Traditions of Skepticism in Modern Philosophy and Epistemology. Munich: PHREN Verlag. (In Russ.)

Шюц [Шютц] А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева и др.; сост., общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. Schütz A. (2004) Selected Works: The World Glowing with Sense. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Gergen K. J. (1991) The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. New York, NY: Basic Books.

Gergen M. M. (2001) Feminist Reconstructions in Psychology: Narrative, Gender and Performance. Thousand Oaks, CA: Sage. <http://dx.doi.org/10.4135/9781452220482>.

Lock A., Strong T. (2010) Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815454>.

Searle J. R. (1997) The Construction of Social Reality. London: Free Press.

von Uexküll J. (2001/1936) An Introduction to Umwelt. *Semiotica*. Vol. 134. No. 1/4.. P. 107—110. <https://doi.org/10.1515/semi.2001.017>.

Watzlawick P. (ed.) (1998) Die erfundene Wirklichkeit. Munich: Piper Verlag. (In Germ.)